

МАРИНА АВАКОВА

БЛАГОДАРЯ И ВОПРОЕКИ

Марина Авакова

Благодаря и вопреки

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Авакова М.

Благодаря и вопреки / М. Авакова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Жена крупного бизнесмена, Ирина, счастлива и любима. Позади остались трудные годы борьбы за жизнь и за счастье ее дочери от первого брака. Но тени прошлого снова напоминают о себе, и ей опять приходится сражаться за безопасность своих близких. Несмотря на предательство близкого человека и на многочисленные попытки ее убить, она не теряет веры в людей и оптимизма. Враг силен и подл, но она справится с ним вопреки всему и благодаря любви, которую невозможно в ней уничтожить.

© Авакова М.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Марина Авакова

Благодаря и вопреки

*Душа, никогда не страдавшая, не может постичь счастья!
Преодолевая трудности, ты становишься счастливее.*
Жорж Санд

Как же она любила море! Спокойное и ласковое, манящее своей голубой тайной, штормовое и грозное, пугающее своей мощью, освещенное солнцем и чернеющее под грозowymi тучами. Для нее море было живым существом, с которым она разговаривала, здоровалась и прощалась, благодарила за счастье, которое испытывала, погружаясь в него, слыша плеск его вод, вдыхая его запах. Море было ее страстью, вспыхнувшей в раннем детстве, дающей ей силы жить. Она начинала скучать по нему, не успев уехать. И день отъезда домой превращался для нее в трагедию, исправить которую можно было, только приехав сюда снова. Эту же страсть она передала своей дочери, каждый раз суеверно бросающей в таинственную глубину монетки, в надежде на следующую встречу.

Но на этот раз море ее не радовало. С самого приезда сюда ее не отпускало ощущение тревоги. Муж сорвал ее неожиданно. Она только приехала с побережья. Все лето она занималась обустройством дома у самого моря – мечты всей ее жизни. Дом стоял на холме у самого пляжа. И она по несколько раз в день сбегала по крутой тропинке, ведущей от дома, чтобы окунуться в прохладную зеленовато-голубую воду. Она загорела до черноты, медные волосы выгорели, нос облупился. Наконец, в начале сентября все было готово, и она с грустью покинула так полюбившееся ей место. На будущий год можно было приехать сюда всей семьей, привезти друзей и родителей. Дома ее ждала работа, семья, накопилось множество дел. Но не прошло и нескольких дней, как муж сообщил, что они уезжают.

– Куда? – она оторвалась от перевода, плохо соображая, что он ей говорит.

– Мы едем в Батуми. У меня там дела, и я хочу, чтобы ты поехала со мной. – Что-то было не так в его голосе и взгляде, в том, как он стоит, покачиваясь с пятки на носок.

– Что-нибудь случилось? – Она закрыла ноутбук и встала.

– Ничего, родная, – он обнял ее, – просто я три месяца тебя практически тебя не видел, и соскучился. Ведь нет ничего плохого, если мы проведем вместе несколько дней?

Она ему не поверила, но ничего не сказала. Если он не хочет посвящать ее в свои дела, то расспросы точно не помогут.

Они сняли номер в одном из самых дорогих отелей Батуми. Муж был нежен и внимателен. Море – чистое и спокойное. Но ощущение надвигающейся опасности не отпускало. Где-то внутри нее поселился холодный червячок, который становился все больше и холоднее, и ей хотелось схватиться за желудок горячими руками, чтобы унять боль. Несколько раз она уже испытывала подобное, и это чувство ее ни разу не подводило. Однажды, когда дочка была еще маленькой, они отдыхали на море. С ними был ее отец. Отдых подходил уже к концу, но была такая прекрасная погода, что они решили продлить его еще на несколько дней. В то утро они загорали на пляже. Море было тихое, теплое, у самого горизонта отсвечивало розоватым блеском. Она вошла в воду, с наслаждением погрузилась в бархатную воду, поплыла и вдруг испугалась. Она повернула назад и в панике выскочила на берег.

– Ты чего? – удивился отец, наблюдая, как она лихорадочно собирает с горячих камней вещи.

– Папа, надо уезжать, как можно быстрее!

Отец ей тогда не поверил, уговаривал остаться, дочка тоже хныкала, но холодный червячок все разрастался. Они остановили маршрутное такси прямо на трассе и через пять часов

были в Тбилиси. На следующий день из утренних новостей они узнали, что ночью начался ужасный шторм, и домики на прибрежной линии, где они жили, унесло в море.

Они пришли с пляжа, пообедали в ресторане гостиницы, и, окончательно осовев от солнца и вкусной еды, повалились на кровать. Сейчас, лежа на прохладных простынях, она смотрела в огромное окно. Было слишком много красок: море, насыщенного синего света, ярко-голубое небо, на котором оранжево-желтым полыхало солнце, сочно-зеленые деревья и пурпурно-фиолетовые рододендроны. И все это сверкало и переливалось, и казалось, что вот-вот расплавится и потечет разноцветными ручейками и смешается в огромную перламутровую массу. Утром все это было нежным, пастельным и прохладным, а сейчас, в середине дня, дышало нестерпимым жаром. Она повернулась к мужу: то ли спит, то ли притворяется, она не поняла. Что-то его тревожит в эти последние дни. Он напряжен с той самой минуты, как неожиданно объявил ей, что они едут на море. За те пять лет, что они вместе, она ни разу не чувствовала неуверенности и страха. Ей было с ним так хорошо и спокойно, что иногда казалось, что она спит. Вот сейчас сон закончится, и ее снова обступят заботы и тревоги: хватит ли денег на репетиторов для дочери, будут ли у нее самой ученики, пришлют ли переводы, сможет ли она скопить денег, чтобы летом хотя бы на две недели повезти ребенка отдыхать, а потом подготовить его к школе. Целых шесть лет после развода с первым мужем забота о дочери, страх, что она не сможет ее прокормить, одеть, дать ей достойное образование не давали ей расслабиться.

Саша все изменил. Ей было надежно и спокойно. Она была прикрыта им со всех сторон. Он постепенно заставил ее забыть обо всем плохом, сделал ее уверенной в себе и в своем будущем женщиной, счастливой от сознания того, что она нужна и любима. От него исходила ровная сила, основанная на уме, интеллекте и деньгах, которые при наличии первых двух качеств, решали все проблемы легко и как бы само собой.

Однако сейчас его лицо было напряжено, губы плотно сжаты, а на виске нервно пульсировала голубоватая жилка. Он смотрел на какую-то только ему видимую точку на стене и был где-то далеко.

– Ты чего, Ириш? – он перевел глаза на Ирину и улыбнулся.

– Саша, что-нибудь случилось? – она провела рукой по его лицу.

– С чего ты взяла? Все нормально. Небольшая проблема в бизнесе, но я ее решаю. – Она не поверила.

– А зачем мы сорвались из города и приехали сюда?

На его лбу собрались морщины, он снова напрягся, взгляд потемнел и стал тяжелым. Потом усилием воли лицо приняло прежнее выражение спокойной силы.

– Потому что я люблю тебя, и мне захотелось побыть с тобой несколько дней вдвоем.

Он потянулся к ней, надежный, любящий, жаркий. И на какое-то время она перестала тревожиться и сомневаться.

Ирина снова взгляделась в мужа. Сейчас его лицо было спокойно. Он спал, но она снова почувствовала непривычный холодок в груди.

* * *

Как странно устроен человек, думала она, ощущая на плече дыхание спящего Саши. Ей всегда нравились мужчины его типа: большие, высокие, надежные. А вышла замуж за маленького, «карманного мужчину», по словам своей любимой университетской преподавательницы. Да еще по большой любви, со страстями, скандалами и бурными примирениями. Они были вместе семь лет, и пять из них она была счастлива, как корова. Было много хорошего и много смешного.

Они так любили друг друга, и так были поглощены этой любовью, что незнакомые люди на улице желали им счастья. Они проводили много времени с ее подругами, и он, повязав на себя фартук, готовил им свои фирменные блюда. Было весело и страшно вкусно.

Когда родилась их дочь, пациенты, как в кинотеатре, собирались у экрана монитора, когда он с ней разговаривал: в палаты тогда отцов не пускали. После родов она написала записку с просьбой принести памперсы и одеяло. На следующий день в палату вошла растерянная старшая медсестра.

– Вам холодно? – обратилась она к Ирине.

Ирина в недоумении посмотрела на раскаленный радиатор и ответила, что наоборот.

– Тогда зачем вам еще одно одеяло?

Ирина молчала, соображая, что происходит.

– Ваш муж устроил в приемной скандал. Он требует, чтобы мы передали вам шерстяное одеяло, потому что вы здесь мерзнете. И угрожает нас всех уволить! – Казалось, ее возмущению не было предела.

Ирина расхохоталась.

– Я просила детское одеяльце, а он решил, что одеяло нужно мне! – сообразила она.

После кесарева сечения шрам плохо заживал, и он каждый вечер и каждое утро обрабатывал ей рану и делал перевязки.

Как-то после встречи с друзьями сильно навеселе он упал в ванной и расшиб себе голову и бровь. Кровь заливала глаза, лицо. Ирина билась от испуга в истерике. Ее родители повезли его в больницу. Хирург оказался страшным приколистом и, накладывая на бровь швы, прикрепил марлю бантиком. Когда утром муж проснулся, оказалось, что он ничего не помнит. Разъяренная Ирина решила было устроить грандиозную разборку, но муж моргнул, и края бинта заколыхались, как крылья у бабочки. От хохота она опустилась прямо на пол, а «бабочка» порхала с каждым движением век...

Но сейчас память отказывалась вспоминать светлую сторону их жизни и подсовывала только плохое. Вечный халат по субботам и воскресеньям. Сказки о потерянных или украденных у него деньгах. Слюнявые поцелуи и тошнотворный запах перегара после частых попок. Постоянные опоздания с работы и снова вранье о деловых встречах. Слова свекрови «Займел бы богатую любовницу, чтобы она нас содержала». И звонок этой любовницы, в подробностях описывающей ее, Ирины, спальню. И наконец, ее уход, а вернее бегство с ребенком из квартиры мужа в семь утра. Он делал вид, что спит и ничего не слышит...И еще много всяких омерзительных мелочей, которые вылезали из памяти и заставляли вздрагивать от отвращения и обиды. Но все это позже, когда пришло полное осознание конца. Любовь стала уходить постепенно, сначала были первые редкие звоночки, когда чувство разочарования как острый нож прорезало все ее существо, но растворялось в привязанности, совместном быте, заботах о ребенке. Потом стало расти раздражение, чувство обиды, неудовлетворенность, которые полностью вытеснили любовь и привели к полному равнодушию. Она была готова к разрыву, но не могла сделать первый шаг. Она жила в надежде на то, что все рассосется само собой, без ее вмешательства. Поэтому, когда она узнала о любовнице, женская обида быстро сменилась чувством радости от освобождения и отсутствия собственной вины: не она бросила, а ее вынудили уйти. Сейчас, спустя много лет, Ирина понимала, что это было не очень честно с ее стороны, но не особенно себя корила. При всем том, что никаких иллюзий по отношению к бывшему мужу она не питала, она наивно думала, что после развода они расстанутся цивилизованно: у них был общий ребенок, ответственность за которого им нужно было нести вдвоем. Но так думала она одна. Он с готовностью исчез не только из жизни Ирины, но из жизни дочери. С концами, без встреч и звонков. Сначала она не поняла и пыталась успокоить ребенка фразами, типа «папа тебя очень любит, просто он сейчас очень занят». Она наивно думала, что когда в нем говорит чувство оскорбленного мужского достоинства: переберется, успокоится и вспом-

нит про дочь. Но она ошиблась и в конце концов поняла, что мужу все это просто не нужно. Точка невозврата наступила тогда, когда она увидела глаза ее четырехлетней дочери, ожидавшей в течение 15 минут, когда папа подойдет к телефону и услышавшей лицемерные слова ее бабушки, что «папа, оказывается, ушел, а я не заметила». Тогда Ирина поняла, что никогда не простит и никогда не забудет. Нельзя простить боль, причиненную ребенку. Потому что ничем и никогда нельзя излечить травму, нанесенную предательством отца. Рана заживает трудно и медленно: «Мама, а ты меня не бросишь?», «Мама, а ты с работы вернешься?», «А сегодня в школе меня спросили, кто мой папа, а я ответила, что у меня папы нет»... А шрам останется навсегда. И собственное бессилие перед этой детской болью, и желание убить, когда видишь лицо дочери, наблюдающей, как чужой папа завязывает шарфик на шее своего чада...

Потом ее Вика загорелась желанием выдать ее, Ирину, замуж. У ее родителей был небольшой магазинчик рядом с их домом. Как-то Вика, ей было лет пять, заходит домой и выдает:

– Ты знаешь, сейчас к бабушке в магазин пришел какой-то мужчина и спрашивает: «У вас нет свободных женщин? Я жену себе ищу!»

Ирина смеялась и плакала одновременно. Но статус «свободной женщины» держался за ней почти шесть лет. Ирина делала все, чтобы Вика чувствовала себя комфортно: и дело вовсе не в том, чтобы она ни в чем не нуждалась. Слава Богу, судьба в лице ее сестры наделила Ирину потрясающим зятем, который делал для Вики все, что в его силах. Ирина старалась быть и была для своей дочери не только матерью, но и другом. Каждый вечер перед сном, они долго шушукались и хихикали, рассказывали друг другу обо всем, что их радовало или беспокоило, и затихали только после возмущенных криков бабушки: «Ирина! Завтра ребенку в школу, а вы дурака валяете! Ни днем ни ночью от вас покоя нет!»

Ирина четко определила границы своего личного пространства: дочь, родители, друзья. В ее жизни появлялись мужчины, но срок их присутствия зависел от того, как долго они не пытались эти границы нарушить. Стоило кому-нибудь из них произнести: «Ну, подождет твой ребенок», «Мне хотелось бы, чтобы ты уделяла мне больше внимания», или просто дать понять, что он ждет от Ирины нечто большего, чем то, что она была готова дать, то отношения резко, а порой и грубо заканчивались. Ирина отдавала себе отчет, что это ее психологический «сдвиг». Но менять ничего не собиралась. Спокойствие дочери и собственная независимость от мужчин стали той опорой, которая помогала жить, и той стеной, которая защищала ее и Вику от новых переживаний.

А потом появился Саша. Ирина вместе с сестрой, зятем и несколькими его друзьями сидели в какой-то кафешке. Друзья приехали в их город впервые, бегали по улицам с фотоаппаратами, снимались на фоне храмов, катались на канатке. Ирина устала и хотела домой. Она давно потеряла интерес к разговору, который скатился к обсуждению предстоящих деловых встреч, и обвела зал глазами. Ее в упор, не стесняясь, рассматривали. Ирина отвела взгляд. Через какое-то время снова посмотрела в сторону мужчины: «Может, знакомый?» Тот поймал ее взгляд, улыбнулся. Улыбка хорошая, открытая, ничего оскорбительного. Стараясь не казаться хамкой, Ирина вежливо улыбнулась в ответ и забыла о нем, увлекшись разговором с сестрой о проблемах школьного образования. В итоге они пришли к неутешительному выводу, что прежде, чем принимать на работу педагогов, их необходимо проверить у психиатров.

– Как ты думаешь, надолго они завелись, – спросила она у сестры, кивнув в сторону мужчин.

– Не знаю, – пожалала Нина плечами. – А что?

– Нин, я устала, и голова болеть начинает. Я незаметно улизну.

– Одна?

– Можно подумать, за дверями очередь насильников и убийц выстроилась! Машину поймаю и через десять минут буду дома.

Чмокнув Нину, она быстро бросила в сумку мобильник и сигареты и выскользнула из кафе. Уже стемнело, но эта часть города была ярко освещена. Туристический центр старого Тбилиси был прекрасен и днем и ночью. Маленькие узкие улочки, кафе и рестораны, церкви и храмы, купола Царских серных бань, Кура, в водах которой отражалось все это великолепие... Все это Ирина любила до безумия. Но любила наслаждаться этим не в шумной компании, а в одиночестве, спокойно и без суеты. Она прошла к реке, оперлась о перила и стала смотреть на воду, святящуюся огнями, казалось бы, изнутри.

– Красиво. А вы на этом фоне еще прекраснее. – Он смотрел на нее и улыбался.

Высокий, широкоплечий, крупный. Лет сорока. Черты лица по-европейски правильные. Не суетится, стоит, как ни в чем не бывало, как будто имеет на это право. Обычно в подобных случаях Ирина давала понять, что продолжать разговор не намерена, и старалась уйти. Но на этот раз уходить не хотелось. Как ни странно, человек вызывал доверие. На всякий случай Ирина решила показать когти:

– Не люблю людей, льстящих шаблонами. Красиво – да, а я смотрю на себя в зеркало и знаю, сколько мне лет.

Он рассмеялся:

– Если бы вы ответили по-другому, я был бы разочарован. Но вы либо лукавите, либо у вас занижена самооценка. Давайте заключим перемирие: вы соглашаетесь немного со мной погулять, а я не буду говорить о том, как вы мне нравитесь.

Ирина собралась отказаться, но он опередил ее.

– При первом же вашем требовании, я отвезу вас домой.

Он сказал «домой», а не «куда вы скажете», и это почему-то на нее странно подействовало. И они гуляли по ночному городу, говорили обо все и ни о чем. И ей было спокойно и надежно. И не надо было быть настороже, можно было смеяться, когда смешно, и ласкать подбежавшую собаку, и смотреть на небо и на него без опасения, что он не так поймет. Когда она устала, он сам, не спрашивая, сделал короткий звонок, и через несколько минут подъехала машина, и он отвез ее домой. Саша позвонил через два дня, сказал, что купил билеты в 3Д и что Ирина и Вика должны быть готовы через 3 часа. Он приехал за ними вместе со своим сыном Давидом, года на два старше ее дочери. Они хрустели попкорном и шарахались от летающих чудовищ, а после фильма ели в парке мороженое. «Так не бывает!» – вертелось у нее в голове. Но оказалось, что бывает. Дети подружились, а Ирина впервые за столько лет не разрывалась между дочерью и понравившимся ей мужчиной, и не защищала свое пространство, потому что Саша сразу же стал его частью. Сашина жена и мать Давида жила в Англии с новым мужем. Поэтому и угрызений совести Ирина не испытывала. Он очень просто сделал ей предложение, и она так же просто, не раздумывая, согласилась. «Так не бывает!» – думала она по ночам, утром снова жила этой своей новой жизнью и новыми ощущениями от того, что все проблемы решаются Сашей легко, и это не проблемы вовсе, а так, одно удовольствие. Прошло пять лет, и Ирину все реже посещало это чувство нереальности. Дети выросли, Давид продолжил учебу в Лондоне, Вика училась в Москве, в ГИТИСе, на актерском факультете. Она была талантлива, умна и красива той внутренней красотой, которую в девятнадцатом веке называли одухотворенностью. Саша занимался бизнесом. Как она узнала позже, он был не просто, а очень богат. Ирина была классным переводчиком, и, поняв, что жена не может целыми днями бегать по магазинам и косметическим салонам, Саша открыл для нее переводческое бюро. Наконец-то, она стала заниматься любимым делом не потому, что нуждалась в деньгах, а потому, что это доставляло ей удовольствие. Хотя сознание того, что она самостоятельно зарабатывает и не сидит на шее у мужа, грело ее душу и самолюбие. Саша посмеивался, но не мешал, а наоборот, помогал и давал дельные советы. Фирма процветала. Он умел предугадывать ее желания, чувствовать перепады настроения, переводить в шутку назревающие конфликты. Он показал ей

Флоренцию и Рим, он исполнил ее мечту и повез ее в Иерусалим. Бродя по древним улицам священного города, она, наконец, поверила, что так все-таки бывает.

* * *

Очень хотелось курить. Ирина встала, взяла с журнального столика сигареты и зажигалку, вышла на балкон и закурила. Чувство тревоги навалилось с ново силой. Рука, державшая сигарету, дрожала, а ее вкус показался ей горьким. Внезапно она услышала какой-то щелчок, повернулась и сквозь стекло балконной двери увидела, как дверь, ведущая из номера в коридор, осторожно открылась. Это было невозможно, так как двери были оборудованы электронными замками, открыть которые можно было только с помощью специальной карты. Она резко вошла в комнату и закричала. Она кричала всегда, когда ее что-то неожиданно пугало. Она понимала, что это не только некрасиво, но и неприлично. Но сделать с собой ничего не могла. Особенно Ирина боялась летающих и ползающих тварей. И стоило какой-нибудь мохнатой бабочке сесть на нее, она издавала дикий вопль, пугающий родных, соседей и прохожих на улице. Крик вырывался еще до того, как она осознавала размеры опасности. На это раз эта ее способность реагировать пронзительным воплем на неожиданную угрозу спасла жизнь ей и Саше. От неожиданности мужчина выронил пистолет, на мгновение застыл на месте, а потом выскочил в коридор. За дверью раздались выстрелы. Из спальни выбежал Саша.

– Что случилось? – он тряс ее за плечи, стараясь привести во вменяемое состояние.

Не в силах выговорить ни слова, Ирина пальцем указала на пистолет. Саша как-то сразу осунулся и побледнел.

– Я не успел... Не успел... – то ли прохрипел, то ли простонал он.

В дверь стучали, из коридора доносились громкие голоса, и в номер ворвалось несколько человек. Новый охранник мужа с оружием в руках, несколько перепуганных служащих и администратор отеля. Ирине казалось, что все это происходит не с ней. Она повернулась к мужу в надежде, что он сейчас решит все проблемы. Но Саша повел себя странно. Он сел на диван и закрыл лицо руками. Ирина как-то интуитивно поняла, что надо разбираться самой. Она набросилась на администратора.

– Как это понимать! – она показала жестом на пистолет. Вы уверяли, что ваш отель абсолютно безопасен! А ко мне в номер врывается убийца с пистолетом руке!

Охранник нагнулся и протянул руку к оружию.

– Не смей! – закричала Ирина. – Вызывай полицию!

Охранник выпрямился и уставился на нее. Администратор в растерянности стал мямлить что-то невразумительное. Сквозь открытую дверь виднелись неестественно вывернутые ноги лежащего на полу мужчины. Из-под него медленно, как при замедленной съемке, растекалась кровь...

Как там у Ильфа и Петрова? – Остапа несло? Так вот, стало нести Ирину. Это еще одно уникальное свойство, доставшееся ей от отца. Она могла долго сдерживаться, терпеть, но наступал какой-то момент, когда ее прорывало, и остановиться она уже не могла. При этом Ирина как будто видела себя со стороны и вполне трезво оценивала ситуацию. Она определяла это, как своеобразное раздвоение личности: одна сторона бушует, а вторая наблюдает.

Ей надо было отвлечь внимание от Саши, который находился в непонятной ей странной прострации. Это ее пугало, и чтобы не поддаться панике, которая постепенно начала ее охватывать, она стала топтать ногами, кричать и ругаться. Администратор пытался ее успокоить, поил водой, она делала несколько глотков и продолжала ругаться, краем глаза наблюдая за мужем. К приезду полиции Саше удалось взять себя в руки. Усилием воли он стряхнул с себя оцепенение, вышел в спальню, и вернулся уже в джинсах и майке. На лице снова появилось привычное для нее выражение силы и уверенности в себе.

Тело в коридоре осмотрели и унесли, пистолет бережно упаковали в целлофановый пакет, посторонних из номера вытолкали.

– А где ваш охранник? – спросил следователь.

Ирина и Саша переглянулись. В суматохе они не заметили, что охранник мужа странным образом испарился из номера.

– Может, в коридоре ждет? – предположила Ирина и поймала на себе ироничный взгляд мужа. Он знал что-то такое, о чем Ирина даже не подозревала. Ее начала охватывать злость. В конце концов, это нечестно с его стороны. Он явно знает, что происходит. И не очень даже удивлен. Впервые за совместную жизнь с Сашей у нее появилось ощущение, что ее используют. Ирина тряхнула головой, стараясь отогнать неприятную мысль.

– Надо успокоиться и взять себя в руки, – сказала она себе. Встала с кресла, попросила следователя разрешения выйти, чтобы привести себя в порядок: Ирина до сих пор была босиком, в легком парео, небрежно обмотанном вокруг тела. В ванной она умылась холодной водой, прошла в спальню, натянула на себя бриджи и легкую маечку, сандалии. Эти обычные действия помогли ей немного успокоиться. В гостиную она вышла в сравнительно адекватном состоянии, только руки сводило легкой судорогой, и чтобы они не дергались, она просто подложила их под себя. Сидеть было не очень удобно, но это все же лучше, чем трястись как паралитик. Следователь снимал показания с Саши. Человеку постороннему, каковым и был следователь, могло бы показаться, что Саша полностью владеет собой, честно и добросовестно отвечает на все вопросы. Но Ирина видела, что беседуя со следователем, муж о чем-то напряженно думает.

Саша который коротко сообщил, что спал и проснулся от крика жены. Мужчину с пистолетом не знает, почему он влез к ним номер, понятия не имеет. «Имеет, – подумала Ирина, – но не говорит». Саша вообще казался вялым и заторможенным, как будто в нем сломался стержень, защищающий ее в течение всех этих лет. «Нам не привыкать, – мелькнуло у нее. – Сейчас моя очередь».

Отпустив Сашу, следователь занялся Ириной. В отличие от мужа, Ирина дала подробные показания, еще раз мысленно прокручивая последние события.

– Муж всегда ездит с охраной. Он крупный бизнесмен. Охранник одновременно выполнял и функции водителя. Это он нас привез. Где он находился после того, я с мужем вошла в номер, я понятия не имею.

Она показала, где она стояла на балконе, когда увидела убийцу. Следователь встал на то место, которое она указала.

– Да, вы могли его видеть. Тень от тента закрывает весь балкон, и освещение здесь и в номере почти одинаковое, – проговорил он.

– Вы что, думали, что я вру? – возмутилась Ирина.

– Нет, конечно, но я должен был проверить.

Они снова вошли в номер. Ирина чувствовала себя полностью разбитой. Ей так хотелось, чтобы ее обняли, успокоили, пожалели. Но Саша был в спальне, оттуда доносился его приглушенный голос. Ирина поняла, что он говорит по телефону. Через несколько минут он появился в дверях, бледный и хмурый. Сел в кресло, нервно вертя в руках мобильный.

«Интересно, куда делся этот новый охранник. И откуда он взялся сразу после ее крика? Не стоял же он под дверью с пистолетом наготове? И зачем ему надо было стрелять наповал? И почему их вообще кто-то хотел убить? И что вообще, черт возьми, происходит? И что делать дальше?» Мысли сменяли друг друга с такой быстротой, что Ирину затошнило. Она закурила. У следователя зазвонил мобильный. После непродолжительной беседы он поднял на нее просветлевший взгляд.

– Ну что ж, могу вас обрадовать. Тело опознали. Дело, скорее всего, раскрыто по горячим следам. Ваш гость – местный наркоман со стажем. Скорее всего, нужны были деньги на дозу.

«Дурак или прикидывается? Или возиться не хочет? Не дождется!» – промелькнуло у Ирины.

– И откуда, по-вашему, у наркомана оружие? Как он открыл дверь? У него, что, была универсальная карта? И как он вообще прошел фейс контроль? А куда делся наш охранник, который его застрелил? Муж не может ему дозвониться! – Ирина бросала вопросы, одновременно наблюдая за реакцией следователя и Саши. Если первый недоволено морщился на каждый ее вопрос, то Саша отреагировал только на слова об охраннике. В отстраненном взгляде мелькнуло что-то, похожее на беспокойство. Но он, как ни странно, поддержал следователя.

– Ириш, чтобы достать деньги на дозу, наркоманы идут и не такое. – Он повернулся к следователю.

– Спасибо, если это все, то мы хотели бы остаться одни. Жена очень устала и перенервничала.

На лице следователя сначала промелькнуло изумление, а потом облегчение. Он заторопился, собрал бумаги и почти побежал к выходу, сообщив напоследок, что завтра им обоим будет необходимо зайти в отделение и подписать бумаги.

– И что это значит? – Ирина встала напротив мужа.

Он тяжело поднялся с дивана.

– Не сейчас, мне надо все обдумать.

– Пока ты будешь обдумывать, я соберу вещи. Мы переезжаем! – Сообщила она. – Я не могу и не хочу здесь оставаться! Второго покушения я не вынесу!

Он внимательно всмотрелся в нее и неожиданно согласился.

– Я помогу тебе. – Сказал он, вставая и вытаскивая из шкафа чемодан.

Ирина позвонила Натке, близкой подруге, у которой в городе была огромная, доставшаяся ей от бывшего мужа, квартира, и которая давно уже приглашала их провести лето у нее.

– Слушай, Натусь, у нас неприятности. Мы переезжаем из этого отеля. Мы могли бы приехать к тебе?

– Да, конечно. Я здесь сейчас одна, дети разъехались, а я осталась, погода больно хорошая. А что случилось? – затараторила Натка.

– Потом. Сделай еще одно доброе дело, заезжай за нами, я не хотела бы пользоваться нашим автомобилем.

Саша посмотрел на нее с удивлением, а потом одобрительно хмыкнул. «Наконец-то возвращается к жизни, признаки умственной деятельности налицо», – отметила Ирина, засовывая в чемодан купальник и пляжное полотенце.

* * *

Натка приехала на своей старенькой машине, они погрузили вещи и отправились к центру города. Она была удивительной женщиной, умеющей дружить со всеми: с бывшими мужьями, свекровьями, министрами и уборщицами. Пухленька, беленькая, веселая, говорливая. О ней вспоминали и в горе и в радости. В ее присутствии страдания переносились легче, а радость ярче. Ирина понимала, что подругу распирало от вопросов, но видя их лица, она сосредоточенно смотрела на дорогу и молчала. Уже стемнело. Жара спала, город с его насыщенными дневными красками превратился в сверкающую ночную сказку.

Пока, забравшись в глубокое старое кресло, Ирина рассказывала Натке о том, что произошло, Саша, заперся в ванной и говорил по телефону. Она не могла слышать слов, но, судя по интонациям, он полностью пришел в себя, что-то объяснял и отдавал четкие распоряжения. Ирине стало немного легче. Ее знобило. Натка закутала ее в плед, заставила выпить немного коньяка. Ирина позвонила родителям, сообщила, что у них все в порядке. Потом сделала зво-

нок дочери, та долго не отвечала, так что Ирина начала волноваться, но Вика все же отозвалась. Оказалось, что она уже спит.

– Мам, что-нибудь случилось? – спросила она, громко зевнув.

Пришлось врать, что все замечательно.

– Я просто хотела услышать твой голос. Я тебя очень люблю! Спокойной ночи!

– Я тоже тебя очень люблю, мам. – Сонно ответила дочь.

Давиду можно было не звонить. Она говорила с ним днем, в той, прошлой жизни, до всего этого кошмара.

Натка пошла на кухню готовить ужин.

Из ванной вернулся Саша.

– Тебе надо поспать. Часа три. Больше не получится. Потом ты уедешь. Ты будешь во всем слушаться человека, который тебя отсюда вывезет. Это друг. – Он говорил отрывисто, резко, давая понять, что его слова обсуждению не подлежат.

– А ты? – ей было наплевать на его тон.

– А я буду решать проблемы. – Он сжал зубы так, что Ирине показалось, что они заскрипели. Саша притянул ее к себе. – Я сделаю все, что в моих силах. Я не могу сейчас всего тебе рассказать. Скажу только одно, чтобы ты знала, откуда опасность и чего остерегаться. Это Раневич. Эта сволочь не успокоится, пока жив.

Ирина вздрогнула.

– Раневич? Ведь прошло шесть лет, и я ничего о нем не слышала! – Ее начала охватывать паника.

Саша усмехнулся.

– Зато я, к сожалению, слышал. И не один раз. И запомни, ты – ни при чем. Это я во всем виноват. Прости. Слишком долго и трудно сейчас все объяснять и рассказывать. Знай только одно: я очень люблю тебя и Вику. И еще: если со мной что-нибудь пойдет не так, присмотри за Давидом! – При этих словах он мягко улыбнулся, глядя ей в глаза. – Хотя этого можно было и не говорить, ты и так его не бросишь.

Вот в эту минуту Ирина испугалась по-настоящему. Значит это не ее больное воображение. И может быть следующая попытка. И Саша это знает, он ожидал этого, но не так скоро. Тогда понятно, что значили его слова, что он не успел. Не успел чего?

– Саша, я просто требую объяснений! – топнула она ногой и схватила мужа за руку. – В конце концов, я имею право знать, что происходит!

– Имеешь, но позже! – Саша высвободил руку. – Я обещаю, что в свое время ты все узнаешь.

За ужином все молчали. Аппетита не было, но Ирина заставляла себя есть. Саша внимательно посмотрел на нее.

– А ты молодец. Все сделала правильно. И поняла все правильно. Спасибо. – Глухо проворил он.

– Зато сейчас я ничего понимаю. Согласись, что недостаток информации тормозит умственную деятельность и порождает комплекс неполноценности. – Попыталась пошутить она.

– Раз ты начала шутить, то тебе явно лучше, – улыбнулся он. Улыбка получилась кривая и неестественная. – А сейчас пойди приляг и постарайся поспать. – Он снова взялся за телефон.

Как ни странно, она заснула почти сразу. Разбудил ее приглушенный шум голосов. Она вышла в гостиную и увидела несколько человек. Почти все были ей незнакомы, кроме старого телохранителя мужа, Миши, и близкого друга семьи, адвоката Георгия Алексеевича, который вел дела еще ее покойного свекра. Они сидели за столом и что-то обсуждали. Дядя Миша проверял пистолет. Увидев ее, засунул его в карман кожаной куртки. Натка стояла, прислонившись к стене, бледная и перепуганная.

– Господи, Натусь, на тебе лица нет! Втянули тебя невесть во что! – бросилась к ней Ирина.

– Ничего. – Натка вымученно улыбнулась.

У Саши зазвонил телефон. Ирина механически отметила, что это не его айфон, а громоздкий смартфон сомнительной марки. Он быстрыми шагами подошел к входной двери и открыл. В комнату вошел мужчина лет сорока. Высокий, крепкий, коротко стриженный. Двигался неторопливо, уверенно, с грацией дикого зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.